

DOI: 10.46698/VNC.2021.81.42.001

«ПЕРЕЖИТКИ ПРОШЛОГО», «НОВЫЕ ТРАДИЦИИ» И ДРУГИЕ ТРЕНДЫ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО СЕГМЕНТА СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1960-1980 гг.)

З.В. Канукова
К.Ф. Дзамихов

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43116 «Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики СССР»

Идея формирования единой общности «советский народ», озвученная на XXII съезде КПСС в 1961 году, поставила перед гуманитарной наукой задачу теоретического обоснования формирования «нового типа исторической общности». Этнокультурное многообразие народов страны представлялось препятствием в решении этой стратегической задачи, поэтому в научной повестке появились вопросы унификации этнического самосознания, культуры, быта и духовных ценностей. В настоящей статье представлен историографический обзор работ северокавказских ученых 1960-1980 годов, позволивший определить влияние государственной национальной политики страны на региональную гуманитарную науку. Выявлено, что главными тенденциями северокавказского сегмента советской историографии были критика пережитков прошлого, устаревших традиций, обоснование необходимости новой советской обрядовой культуры и разработка практических рекомендаций по ее внедрению. Работа на поставленную задачу плохо сочеталась с другими, действительно важными для науки проблемами национальной культуры и самосознания, межнациональных отношений. Вместе с тем, северокавказские ученые, принимая активное участие в дискуссиях по поводу этнических дефиниций «нация», «традиция», «обычай», «обряд» и других не ограничивались пропагандой и агитацией. В условиях непоследовательной национальной политики они столь же непоследовательно и противоречиво обсуждали соотношение национального и интернационального в культуре, разрабатывали модели «синтетической традиции», которая бы совмещала национальные формы с социалистическим содержанием. Вместе с тем высказывали достаточно смелые мысли о перегибах в борьбе с традиционной культурой, об искусственном разрыве связи времен и препятствии освоению культурного наследия, об исторической обусловленности, динамичности и подвижности традиции. Сделан вывод о негативном влиянии идеологического прессы на гуманитарную науку, в частности на этнологию и на очевидный, но не в полной мере реализованный потенциал ученых-кавказоведов.

Ключевые слова: советская историография, устаревшие традиции, новая обрядность.

Оглядываясь на историю советской этнографии, некоторые ученые определяют ее последние десятилетия как стагнацию, среди причин которой указывают засилье политизированных, схоластических концепций (В.А. Тишков), официально-политический пресс (Я.В. Чеснов), идеологически конъюнктурные стереотипы (А.А. Ни-

кишенков), авторитарно предписываемое требование обосновывать идеи, рожденные не в исследовательском процессе, а навязанные в виде готовых формул (М.В. Крюков) [1, 8-10]. Общее мнение научного сообщества сводится к тому, что непоследовательная национальная политика, особенно ее командно-административная составляю-

щая, нанесла урон не только этнографии, но и другим отраслям гуманитарного знания. Этнокультурное и конфессиональное своеобразие народов страны считалось источником проблем, противоречий и конфликтов [2, 4], культурная мозаика рассматривалась как препятствие для сближения наций. Задачей гуманитарной науки стало теоретическое обоснование развития единой духовной общности советского народа, и решалась она зачастую в ущерб другим проблемам: десятилетиями не становились объектом глубокого осмысления проблемы национальной культуры и самосознания, противоречия в сфере этнокультурных проблем и межнациональных отношений. Приоритетными направлениями становились культура и быт рабочего класса, борьба с пережитками прошлого, создание новой советской обрядности.

Разработкой понятий «традиция», «обычай», «обряд» и других этнических дефиниций на Северном Кавказе больше занимались философы и социологи. Они же проявили наибольшую активность в борьбе с пережитками прошлого, за внедрение новой обрядности. Многие из этих работ безнадежно устарели, время показало несостоятельность содержащихся в них концептуальных положений. Этнографы более трепетно и профессионально относились к традиции, но вынуждены были добавлять к своим исследованиям, и особенно к диссертационным, обязательные разделы о пережитках прошлого, о быте рабочего класса и влиянии социалистических преобразований на культуру народа. При этом этнографами уже было сформулировано представление об обусловленности традиции социально-экономическими условиями, об их гибкости и возможностях адаптации к новой исторической эпохе; о том, что игнорирование традиций, накопленных предшествующими поколениями, может привести к нарушению исторической связи поколений [3, 4-5].

Отметим, что северо-кавказская интеллигенция наработала длительный опыт борьбы с традицией, история которой начинается с середины XIX века. Как спра-

ведливо отмечал А.И. Мусукаев, прогрессивно настроенная часть российского бюрократического аппарата и перспективно мыслящие генералы считали разумным демократично решать вопросы, относящиеся к сфере национальных особенностей [4,55], учитывать образ жизни и интересы населения. Вместе с тем, российская администрация на окраинах ставила задачи искоренения «вредных» обычаев: многолюдных и многочисленных поминок, уплаты калыма за невесту и других, особенно угрожавших успешному налогообложению населения и пр.

Представители местной интеллигенции считали своей великой миссией обновление традиционного общества, и наряду с идеями новой хозяйственной культуры, «революции возрастающих потребностей», образования и просвещения, поддерживали идеи искоренения устаревших традиций. Содействуя своим авторитетом принятию «общественных приговоров» – коллективных «добровольных» решений сельских сходов об отмене отдельных обычаев, они с одной стороны, участвовали в реализации национальной политики российской администрации, а с другой – искренне верили в просветительское служение своему народу.

Такая политика и порожденные ею социальные практики не возымели воздействия на традиционное общество, поэтому в условиях нового, советского политического режима одним из объектов идеологической борьбы вновь были объявлены устаревшие и «вредные» обычаи и традиции. Как отмечал В.С. Уарзиати, борьба до-революционных чиновников с «вредными народными обычаями» по своей активности несравнима с деятельностью советских партийных чиновников, смело поднявших руку на культурное наследие народа [5, 8].

Появились новые формы этой борьбы, связанные с советской периодикой, в частности, коллективные письма трудящихся. В одном из архивов отложилось такое письмо: «Коммунистическая молодежь селения Кадгарон вместе со всем обществом, собравшись для совместной беседы по поводу искоренения многих тяжелых обы-

чаев горских народов, таких, как кровная месть, и выслушав разъяснения ораторов, постановила: всемерно содействовать искоренению этих обычаев, доставшихся в наследство от тех времен, когда судьбой нашей руководили цари и помещики. Горцы, порывая с темным прошлым, видят в лице товарища Ленина вождя могучего рабочего движения, строящего новую жизнь. Дорогому товарищу Ленину наш юношеский привет из подножия Кавказских гор! [6, 23], Молодежь не случайно связывала архаичные обычаи с царями и помещиками: главным идеологическим посылом была буржуазная, реакционная сущность традиции.

Новацией можно считать широкое привлечение молодежи и женщин к борьбе с пережитками прошлого, а также пополнение интеллигенции новым профессиональным сообществом – учеными – обществоведами.

«Программа КПСС», вышедшая в 1962 году, вооружила исследователей новым лозунгом: «партия не допускает ни игнорирования, ни раздувания национальных особенностей» [7, 92]. Ученые пытались акцентировать внимание на общих для всех народов Северного Кавказа обычаях и традициях, а «разность» объявляли их национальной формой. Осознание невозможности «причесывать» все народы Северного Кавказа одной историко-философской «гребенкой» привело к стратегии постепенного накопления общих черт в национальных традициях.

Вооруженные идеей К. Маркса о необходимости массового изменения сознания строителей нового общества и избавления «от старой мерзости» [8, 70], ученые активно приступили к борьбе с пережитками прошлого. Важно отметить, что это была не только агитация и пропаганда. Философы ставили перед собой непростую задачу разработки теоретических проблем, связанных с обычаями и традициями.

Не имея возможности выйти за рамки понимания нации как продукта буржуазного общества, советские гуманитарии пытались подогнать под него и понятие

национальной традиции, наделяли ее классовым характером и подтверждали свои выводы наличием исторического опыта использования традиций прошлого в «узкоклассовых интересах».

В осетинском сегменте советской историографии отмечена активная полемика с зарубежными и российскими авторами по поводу определения таких дефиниций как нация, обычай и традиция, обряд.

Одни авторы считали обычаи и традиции формой общественного сознания, другие – элементами социальной психологии, некоторые сетовали на отсутствие «методологических принципов классификации национальных обычаев и традиций», убеждали в необходимости серьезного изучения закономерностей формирования новых традиций в период строительства коммунизма, особенностей их становления в условиях полиэтничности Северного Кавказа. Ставились задачи исследования диалектики перерастания национальных традиций в общенародные, разработки этических и организационных принципов внедрения новых традиций и обрядов.

Идея объективной обусловленности обычаев и традиций экономическим фактором в жизни социума представлялась как «диалектическое переплетение» материальных потребностей с нравами и настроениями, в ходе которого возникали устойчивые нормы, переходившие последующим поколениям уже в виде обычаев и традиций [9, 11].

Исследователи, особенно философы, вступали в полемику с представителями «субъективно-идеалистических течений и школ» по вопросу определения нации. Так, Б.С. Саламов не соглашался с определением нации, данным Б. Шейфером, который считал одним из ее признаков «любовь к лицам своей национальности» или высокую оценку своих исконных обычаев. Возражение вызывал тезис о «существующих извечно», а не социально обусловленных обычаях, а также «игнорирование других наций или враждебность к ним» [10, 78].

В субъективно-идеалистическом толковании национальных обычаев и тра-

диций и введении в научный оборот «абстрактных понятий» обвинялись и другие «буржуазные идеологи»: Г. Кон, оперировавший понятием «национальная воля», В. Шорджер – «единством цели», Р. Эмерсон – «чувствами разделенных воспоминаний» [11, 67-89]. Тезис американских социологов Р. Макайвера и Ч. Пейджа: «Мы определяем нацию как выражение чувства, разделяемого ее членами, а это вовсе не объективный критерий» [12, 132], был истолкован как признание в отсутствии у них объективного критерия в определении нации.

Полемика велась и с некоторыми отечественными исследователями. Б.С. Саламов не соглашался с определением традиции М. Варисова и Л. Карапетяна как одной из форм общественного сознания и отражения общественного бытия [13, 46]. Он считал, что являясь отражением общественного бытия, обычаи и традиции отнюдь не являются формами общественного сознания. Не поддержал Саламов и определение Б. Цавкилова: «Традиции – это то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от прошлых поколений. Передаются, наследуются и становятся традицией идеи, взгляды, вкусы, образ действия и обычаи» [14, 17]. Саламов считал, что автор не усматривает никакой разницы между традицией и обычаем, а сам по себе факт передачи от одного поколения к другому не раскрывает их сущности. Наиболее приемлемым Саламову представлялось определение Н. Сарсенбаева, который под обычаями и традициями подразумевал «устойчивые формы регулярности и порядка во всех сферах общественных отношений» и считал, что «все обычаи и традиции предполагают определенные социальные, нравственные и эстетические идеалы, которые нередко облекаются в формы символизированных обрядов и ритуалов» [15, 33]. Соглашаясь с этим определением в целом, Саламов указывал, что оно может привести к ошибочному выводу о том, что только обычаи и традиции, без учета их положительных и отрицательных сторон на конкретном историческом этапе, регламентируют общественные отношения [9, 20].

Важно отметить и наметившуюся тенденцию пересмотра синонимического употребления терминов «традиция» и «обычай». Многие исследователи полагали, что сфера действия обычая по сравнению с традицией более узкая, а сама традиция обладает большей устойчивостью и охватывает своим действием большую сферу общественных отношений. А. Хачиров считал, что обычай – это конкретная жизненная ситуация, в которой регулируются взаимоотношения людей посредством нравственных принципов и вытекающих из них действий [16, 26]. Нравственную природу обычая отмечал и Н. Джусойты: «обычай – нравственный закон всего общества и каждой отдельной личности. За его соблюдением следят все – и каждый человек и общество» [17, 244].

Б.С. Саламов предложил собственную классификацию традиций и обычаев, основанную на таких принципах, как социальная обусловленность, сфера действия и продолжительность. По принципу социальной обусловленности традиции делятся на народные, классовые и национальные. Народные создаются в течение всей истории материальной и духовной жизни, лучшие из них становятся общенародными, как например, общесоветские традиции.

По принципу сферы распространения обычаи и традиции было предложено разделять на профессиональные, политические (сюда же входят революционные, интернациональные и военно-патриотические), нравственные, научные, художественно-творческие, религиозные и семейно-бытовые. В основе принципа продолжительности действия заложена историческая преемственность традиций, они делятся автором на две категории: переходящие, обслуживающие только данное поколение людей и имеющие ресурсы для становления частью новых традиций, и действующие в течение многих поколений людей [9, 26].

Практическую ценность своих теоретических изысканий указанные авторы видели в том, чтобы отобрать лучшие традиции и использовать их в строительстве но-

вой жизни и воспитании нового человека. «Можно ли дорожить обычаями и традициями, которые восхваляют древнюю старину, рождают у молодежи неведомые для нее, противные ее духу мысли и чувства национальной и фамильно-родовой исключительности или отравляют ее сознание ядом религиозного невежества? Нужно ли ценить обычаи и традиции, которые не объединяют людей для совместной борьбы за окончательное переустройство общества по коммунистическому принципу, а исподволь разъединяют их?», – спрашивает Саламов. И тут же напоминает слова И.В. Сталина: «подумайте только: «сохранить» такие «национальные особенности» закавказских татар, как самобичевание в праздник Шахсей-Вахсей, «развить» такие «национальные особенности» грузин, как «право мести!» [18, 329]. Вдохновленный столь авторитетным подтверждением своих идей, автор призывает к радикальным «мерам принуждения в соответствии с социалистическими правовыми нормами» [9, 43].

Отметим, что параллельно обсуждалась и модель «синтетической традиции», идея соотношения ее формы и содержания: приемлемая форма может быть наполнена новым содержанием, равно как и приемлемое содержание традиции может быть облачено в новую, привлекательную форму. Реально оценивая общественные настроения, ученые вынуждены были признать наличие национальных различий, но отнесли их к формам, которые следует снабдить социалистическим содержанием. В качестве примера практически все осетинские исследователи приводили один из главных элементов традиционной праздничной культуры осетин – религиозное празднество «Джеоргуба», которое пытались трансформировать в праздник урожая, сохранив традиционную форму проведения. Отметим, что это предложение вошло в практику в советское время, но долго не продержалось.

Некоторые исследователи считали обряд формой традиции, ее «одеждой» [9, 72], другие настаивали на самостоятельности,

более весомой общественной значимости и более широкой сфере его функционирования, не всегда связанной с обычаями; отмечены и обычаи, вовсе не имеющие обрядности.

В ходе дискуссии родилось определение: «обряд – это своеобразная плоскость действия, выражающего традиционную форму и раскрывающего ритм и последовательность его развертывания» [16, 24]. К.И. Гостиев определял обряд как совокупность условных, традиционных действий, способ передачи в символической форме определенных социальных отношений, совместное проявление переживания людей, один из способов существования традиций и разновидностью обычая. Обычай же определяется им как унаследованный стереотипный способ человеческой деятельности. Традиция, обычай и обряд несут общую функцию передачи социального и культурного опыта новым поколениям [19, 25].

Пережитками прошлого все авторы единодушно считали те вредные стороны в традициях, обычаях, обрядах, те привычки и нравы, которые вступили в явное противоречие с требованиями современности и стали тормозом развития нового. Гостиев к этой общей позиции прилагал свое мнение: пережитки – это не только то отжившее, что к нам перешло от предков, но и то негативное, что нажито современными поколениями, в виде общечеловеческих пороков [19, 26].

При Советах Министров республик Северного Кавказа создавались специальные Советы по разработке рекомендаций и внедрению в быт новых советских праздников, традиций и обрядов. В их состав входили и ученые. В республиках активизировалась практика борьбы с пережитками прошлого, проводились диспуты, вечера молодежи, вечера вопросов и ответов.

К реализации национальной политики государства, к борьбе за становление новых традиций и обрядов были привлечены СМИ – печать, радио и телевидение. Региональная пресса пестрила заголовками «Рождается традиция», «Это стало тра-

дицией», «С днем рождения, традиция!». Анализ местной периодики показывает, что поставленная идеологическая задача решалась по-разному. Например, в Северной Осетии республиканская газета «Социалистическая Осетия» публиковала статьи известных ученых и общественных деятелей, рецензии на книги и брошюры, посвященные борьбе с устаревшими традициями. Другая республиканская газета «Растдзинад» подходила к проблеме творчески, используя жанры юмористических рассказов, описания сцен из реальной жизни, широко привлекая сельскую интеллигенцию в качестве авторов заметок. Такая подача материала на родном языке, из уст не партийных работников, а простых жителей селений, лучше воспринималась обществом. Ответственные за идеологию чиновники считали ее недостаточно острой, но редко кто из них утруждался чтением на осетинском языке. Были и специализированные издания, различные «блокноты» и «бюллетени» агитаторов и пропагандистов, неистово сражавшиеся с национальными и религиозными традициями; к вредным национальным традициям причислялись даже тунеядство, спекуляция, пьянство и другие общечеловеческие пороки. К агитационной работе в Северной Осетии привлекали известных и авторитетных людей. В Кабардино-Балкарии, как отмечал С.Х. Мафедзев, к борьбе с «устаревшими» обычаями также привлекалась «передовая, сознательная» часть кабардинского и балкарского народов [20, 8].

Одновременно ликвидировались проекты, направленные на сохранение культурного наследия. Так, очень востребованная и полюбившаяся читателям серия научно-популярных брошюр «На древней земле Иристана», которую основало Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, была закрыта как не отвечающая задаче построения нового общества.

Ученые и общественники под методическим руководством партийных органов, сходились на том, что при анализе обычаев и традиций прошлого во главу угла нужно

ставить этический принцип и отбирать для общества то, что в состоянии нести в массы высокие гуманистические идеи. Из новых традиций всемерную поддержку должны были находить только те, которые способствовали воспитанию в трудящихся любви к своей социалистической Родине, прививали чувства интернационализма, коллективизма и коммунистического отношения к труду.

Соотношение национального и интернационального стало для многих исследователей спасительной формулой, в которую хорошо укладывались идеи органичного сочетания национальных особенностей с интернациональными, социалистическими, общесоветскими чертами и традициями [21, 246].

Среди ученых, включенных в процесс формирования нового человека и новых традиций, не было полного взаимопонимания. Не все исследователи разделяли резкий неприязненный тон и императивные установки на запреты устаревших традиций, расценивая их как конъюнктурный подход к сложной проблеме и непонимание закономерностей культурного развития. Более того, высказывалась достаточно смелая мысль о том, что огульная критика традиции искусственно разрывает связь времен, нарушает диалектику развития личности и препятствует освоению культурного наследия. Появилась и критика сценариев новых обрядов, в частности, комсомольской свадьбы, как чуждой и нежизнеспособной [16, 33-34]. В трудностях при внедрении в быт новых традиций и обрядов стали признаваться и руководители некоторых районов [22, 82].

Важно отметить, что интеллигенция Южной Осетии во многом формировалась грузинской общественно-культурной и научной средой, которая отличалась бережным отношением к своей традиционной культуре и не испытывала столь мощного идеологического давления. У этнографов (Л.А. Чибиров, З.Д. Гаглойты и др.) не было необходимости добавлять к своим исследованиям разделы о пережитках прошлого и влиянии социалистических преобразова-

ний на быт трудящихся. Известный ученый, писатель и поэт Нафи Джусойты позволил себе выступить против идеи унификации национального своеобразия, против декретирования в вопросах внедрения в быт новых обрядов и поставил под сомнение саму возможность регулирования процессами формирования и внедрения в жизнь новых национальных традиций [17, 242-252]. Он считал, что традиции формируются в естественной нравственно-психологической атмосфере, которую невозможно создать искусственно. За свои «ошибочные суждения» и романтическое отношение к горской культуре, Н. Джусойты подвергся критике коллег, упорно доказывающих, что такая атмосфера уже создана. Позднее роль микросреды и образа жизни в становлении нового человека станет объектом специального исследования психологов [23], которое со временем приведет к формированию и развитию этнопсихологического направления в региональной науке.

Этнографическая реальность заставляла пропагандистов корректировать идеи создания новой обрядности. Одной из них было использование визуально-эмоционального сопровождения новых традиций, его воздействия на чувства людей. Оглядываясь на уничтоженный опыт подобного влияния церкви на прихожан, они призывали подключить к агитационной работе художников, композиторов, музыкантов, профессиональных актеров.

Ситуация несколько изменилась после июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, признавшего, что «идеологическая работа в условиях нашей страны, объединяющей свыше 100 наций и народностей, немислима без внимательного изучения их специфических интересов, особенностей национальной психологии и культуры» [24].

Однако, реформаторски настроенная часть ученых и общественных деятелей настаивала на необходимости создания и проведения новых обрядов с творческим подходом, с учетом местных особенностей и степени влияния различных объективных и субъективных факторов. В частности, К. И. Гостиев внес большой вклад не только в

теоретическую разработку этнических дефиниций, но и выработал «Примерные рекомендации по внедрению в быт трудящихся республики новых гражданских социалистических обрядов», в которых дифференцировались положительные, перспективные и отжившие традиции. Признавая, что борьба с пережитками прошлого, за новые советские традиции не раз приводила к перегибам, и что насильственная борьба с традицией не дала результатов, ученый приходит к выводу о необходимости умело развивать лучшее в традициях, отбрасывая при этом все вредное и устаревшее. К.И. Гостиев считал, что «драгоценнейшие зерна высокой нравственности» должны использоваться для формирования новой социалистической обрядности, но при этом необходима целенаправленная, деятельная, повседневная пропагандистская и организаторская работа СМИ, партийных и советских органов, общественных организаций по практическому внедрению в жизнь «Примерных рекомендаций» [25]. Рекомендации стали предметом дискуссий, главным оппонентом ученого выступил Х.К. Цаллаев с обоснованием теоретической несостоятельности и практического вреда насаждения новых обрядов «сверху», в административном порядке. Последний он усмотрел в императивной риторике документа («внедрить», «усилить», «искоренить», «исключить» и т.п.). Х.К. Цаллаев считал, что традиции и обычаи подвижны и динамичны, зависимы от жизненных потребностей людей и от динамики экономической и социальной жизни. Дифференциацию обычаев на плохие и хорошие автор расценивал как результат субъективных суждений [26,8-11]. Гостиев, спустя 5 лет после разработки Рекомендаций, признавал наличие в них устаревших формулировок, чрезмерно регламентированных сценариев и необходимость корректировки отдельных положений. Однако на критику Цаллаева отвечал, что разработанные им положения являются именно рекомендациями, а не насильственным насаждением новых традиций, касались они не общесоветских, а семейно-бытовых обрядов; при

этом настаивал на способности агитационной работы воздействовать на изменение массового сознания людей [25, 19-22].

По сути, спор ученых сводился к одному вопросу: возможно ли в принципе воздействовать на традицию или ее развитие является исторически обусловленным, «неукротворным» и независимым от человека.

В 1993 г. Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований и Президиум Совета Северо-Осетинского общества «Памятники Отечества» возобновили издание научно-популярной серии «На древней земле Иристонна». В предисловии к первой книге «Традиции и обычаи осетин» признавалось, что в бурное время глубоких перемен, когда общество все больше занимает вопрос национального возрождения, проблема сохранения самобытности многовековых традиций и обычаев приобретает исключительно важное значение. Обычаи и традиции объявлялись золотым фондом, духовным достоянием, предметом гордости, и одновременно, предметом озабоченности [26, 3].

В первой же книге возобновленной серии Х.К. Цаллаев писал о том, что тоталитарный режим и диктат партийных органов нанесли серьезный урон освоению культурного наследия осетин, их традициям и обычаям, языку и культуре в целом [26, 8-11]. Такого же мнения придерживался Ф.С. Эфендиев, утверждавший, что долгие годы наблюдался разрыв в развитии и усвоении национальной культуры кабардинцев, балкарцев и других народов, поэтому необходимо глубокое социально-философское осмысление духовного наследия всех народов [27]. В.С. Уарзиати считал, что в результате национальной политики советской власти и деятельности региональных чиновников, на смену подлинным образцам народной обрядности пришли всевозможные сурrogаты [5, 8], искажающие первоначальные смыслы и символы духовной культуры. Надежды на сохранение культурного многообразия мира ученый связывал с Всемирным десятилетием развития культуры (1988-1997), провозглашенным ООН и предполагающим утверждение и обога-

щение культурной самобытности народов мира.

К концу советской эпохи стирания этнических граней не произошло, ценности и нормы традиционной культуры сохраняли важные функции в хозяйственной и общественной жизни, в семье и социально-бытовом укладе. Многие авторы отмечали, что происходившая в советское время интеграция традиционной культуры кабардинцев, балкарцев, осетин и других народов Северного Кавказа в структуру общесоветского культурного поля, не привела к ее исчезновению, защитные механизмы самобытной культуры сохранили многие традиции, которые существовали наряду с инновациями [28-31].

Как справедливо отмечает Ю.Д. Анчабадзе, модернизации в сфере духовных традиций воспринимаются болезненно, а протест может обретать и агрессивные формы [32, 6]. Запретительные и ограничительные практики советского времени стали одной из причин «этнического ренессанса», прорыва ожидаемых и неожиданных охранительных настроений. Они проявляются в разных формах: восстановление «народной религии», реконструкция древних, а порой никогда не существовавших обрядов, мобилизация молодежи на защиту «отеческих гробов» от научных археологических раскопок, митинги в защиту памятников национальной культуры и др.

Анализ национальной политики и историографических обзор сопровождавших ее трудов, показывает негативное воздействие идеологического давления на развитие общества и науки. Большая часть рассмотренных работ и содержащихся в них идей не выдерживает критики, время показало их несостоятельность. Однако, некоторые позиции советских ученых незаслуженно преданы забвению, среди них есть положения, приближенные к современному пониманию сохранения и развития самобытности народов страны в контексте формирования общероссийской гражданской солидарности [33], поэтому обращение к ним представляется полезным и продуктивным.

1. Филиппова Е.Н., Филиппов В.Р. Камо грядеши? // Этнографическое обозрение. 1992. № 6. С. 3-17.
2. Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (проблема социально-культурного синтеза). Нальчик, 2014.
3. Волкова Н.Г. Джавахишвили Г.Н. Бытовая культура Грузии XIX-XX веков: традиции и инновации. М., 1982.
4. Мусукаев А.И. К истории изучения адатов народов Северного Кавказа // Традиции и обычаи народов России. Санкт-Петербург, 2000. Т. 2.
5. Уарзиати В.С. Праздничный мир осетин. М., 1995.
6. Архив музея С. М. Кирова и Г.К. Орджоникидзе. Ф. 5. Д. 38.
7. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961.
8. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения / Под ред. Д. Рязанова. М.-Л., 1929. Т. III.
9. Саламов Б.С. Обычаи и традиции горцев. Орджоникидзе, 1968.
10. В. Shafer. Nationalism: Myth and Reality. New York, 1955.
11. Брутенц К. Н. Против идеологии современного колониализма М., 1961.
12. Модржинская Е. Д. Распад колониальной системы и идеология империализма. М., 1965.
13. Варисов М.В., Карапетян Л.М. Национальные традиции и пережитки прошлого. Махачкала, 1958.
14. Цавкилов Б. О традициях и обычаях. Нальчик, 1961.
15. Сарсенбаев Н.С. Обычаи и традиции в развитии. (Народные обычаи, традиции и коммунистическое воспитание трудящихся). Алма-Ата, 1966.
16. Хачиров А., Орлова В., Кесаев В. Новые традиции и борьба с пережитками в сознании людей. Орджоникидзе, 1973.
17. Джусойты Н. Воспитание чувств и обычай // Дружба народов. 1968. № 7. С. 243-249.
18. Сталин И.В. Сочинения. М., 1946. Т. 2. 1907-1913.
19. Гостиев К.И. Новые обряды – в жизнь! Орджоникидзе, 1985.
20. Мафедзев С.Х. Адыге хабзе. Адыги. Обычаи и традиции. Нальчик, 2000.
21. Киргуев В.Х. К вопросу о национальном и интернациональном в культуре социалистической нации // Ленинизм и малые нации. Орджоникидзе, 1973. С. 245-256
22. Костюкевич Г.П. Советскому человеку – новые обряды (Из опыта работы Моздокского районного Совета народных депутатов) // О единстве интернационального и атеистического воспитания. Орджоникидзе, 1983.
23. Хадиков Х.Х. Становление нового человека (социально-психологические очерки). Орджоникидзе, 1981.
24. Материалы Пленума Центрального комитета КПСС 26-27 декабря 1983 года. М., 1984.
25. Гостиев К.И. Народные традиции и обычаи осетин. Пути их совершенствования. Орджоникидзе, 1990.
26. Цаллаев Х.К. Традиции и обычаи осетин. Владикавказ, 1993.
27. Эфендиев Ф.С. Этнокультура и национальное самосознание. Нальчик, 1999.
28. Кучмезова М.Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик, 2003.
29. Мир культуры адыгов. Майкоп, 2002.
30. Мамбетов Г.Х., Думанов Х.М. Некоторые вопросы современной кабардинской свадьбы // Этнография народов Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1977. Вып. 1.
31. Думанов Х.М., Смирнова Я.С. Старые и новые трактовки некоторых брачно-семейных обычаев народов Кавказа // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 18-27.

32. Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизация. М., 2016.
33. Тишков В.А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999-2011 гг. Оренбург, 2011.

Kanukova, Zalina V. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); z.kanukova@mail.ru

Dzamikhov, Kasbolat F. – Institute for Humanities of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre of RAS (Nalchik, Russia); kbigi@mail.ru

“VESTIGES OF THE PAST”, “NEW TRADITIONS” AND OTHER TRENDS OF THE NORTH CAUCASIAN SEGMENT OF SOVIET HISTORIOGRAPHY (1960-1980).

Keywords: Soviet historiography, outdated traditions, new rituals.

The idea of forming a single community of “Soviet people”, voiced at the XXII Congress of the CPSU in 1961, set before the humanitarian science the task of theoretical justification for the formation of a “new type of historical community”. The ethno-cultural diversity of the peoples of the country seemed to be an obstacle in solving this strategic task, so the issues of unification of ethnic identity, culture, everyday life and spiritual values appeared on the scientific agenda. This article presents a historiographical review of the works of North Caucasian scientists of 1960-1980, which made it possible to determine the impact of the state national policy of the country on the regional humanities. It is revealed that the main trends of the North Caucasian segment of the Soviet historiography were criticism of the remnants of the past, outdated traditions, justification of the need for a new Soviet ritual culture and practical recommendations for its implementation. Work on the task was poorly combined with other, really important for science problems of national culture and self-consciousness, interethnic relations. At the same time, the North Caucasian scholars, taking active part in discussions about ethnic definitions of “nation”, “tradition”, “custom”, “rite” and others, were not limited to propaganda and agitation. In the conditions of inconsistent national policy, they equally inconsistently and contradictorily discussed the ratio of national and international in culture, developed models of “synthetic tradition” that would combine national forms with socialist content. At the same time, they expressed rather bold thoughts about excesses in the fight against traditional culture, about the artificial rupture of the connection of times and obstacles to the development of cultural heritage, about the historical conditionality, dynamism and mobility of tradition. The conclusion is made about the negative influence of the ideological press on the humanities, in particular, on ethnology and on the obvious, but not fully realized potential of the Caucasian scientists.

REFERENCES

1. Filippova, E.N., Filippov, V.R. *Kamo gryadeshi?* [Where are we going?]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Revisión etnográfica]. 1992, iss. 6, pp. 3-17.
2. Borov, A.Kh. *Severnyi Kavkaz v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse (problema sotsial'no-kul'turnogo sinteza)* [The North Caucasus in the Russian civilizational process (the problem of socio-cultural synthesis)]. Nalchik, Kabardino-Balkarian State University, 2014. 298 p.
3. Volkova, N.G., Dzhevakhishvili, G.N. *Bytovaya kul'tura Gruzii XIX-XX vekov: traditsii i innovatsii* [Household culture of Georgia XIX-XX centuries: traditions and innovations]. Moscow, Nauka, 1982. 238 p.
4. Musukaev, A.I. *K istorii izucheniya adatov narodov Severnogo Kavkaza* [On the history of the study of the adats of the peoples of the North Caucasus]. *Traditsii i obychai narodov Rossii* [Tradiciones y costumbres de los pueblos de Rusia]. St. Petersburg, AKME, 2000, vol. 2. 200 p.

5. Uarziati, V.S. *Prazdnichnyi mir osetin* [Festive world of Ossetians]. Moscow, 1995. 233 p.
6. *Arkhiv muzey S.M. Kirova i G.K. Ordzhonikidze* [Archives of S. Kirov and S. Ordzhonikidze Museum]. Fund 5. Case 38.
7. *Programma Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza* [Program of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow, Gospolitizdat, 1961. 144 p.
8. Marx, K., Engels, F. *Sochineniya* [Works. Ed. by D. Ryazanov]. Moscow-Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1929., vol. III. 724 p.
9. Salamov, B.S. *Obychai i traditsii gortsev* [Customs and traditions of the Highlanders]. Ordzhonikidze, Ir, 1968. 137 p.
10. Shafer, V. *Nationalism: Myth and Reality*. New York, Harcourt, Brace, 1955. 319 p.
11. Brutents, K.N. *Protiv ideologii sovremennogo kolonializma* [Against the ideology of modern colonialism]. Moscow, Sotsekiz, 1961. 260 p.
12. Modrzhinskaya, E.D. *Raspad kolonial'noi sistemy i ideologiya imperializma* [The collapse of the colonial system and the ideology of imperialism]. Moscow, 1965. 342 p.
13. Varisov, M.V., Karapetyan, L.M. *Natsional'nye traditsii i perezhitki proshlogo* [National traditions and remnants of the past]. Makhachkala, 1958. 21 p.
14. Tsavkilov, B. *O traditsiyakh i obychayakh* [About traditions and customs]. Nalchik, Elbrus, 1961. 68 p.
15. Sarsenbaev, N.S. *Obychai i traditsii vrazvitii (Narodnye obychai, traditsii i kommunisticheskoe vospitanie trudyashchikhsya)* [Customs and traditions in development (Folk customs, traditions and communist education of the working people)]. Alma-Ata, 1966. 44 p.
16. Khachirov, A., Orlova, V., Kesaev, V. *Novye traditsii i bor'ba s perezhitkami v soznanii lyudei* [New traditions and the fight against remnants in the minds of people]. Ordzhonikidze, Ir, 1973. 105 p.
17. Dzhusoity, N. *Vospitanie chuvstv i obychai* [Education of feelings and custom] *Druzhba narodov* [Friendship of Peoples]. 1968, iss. 7, pp. 243–249.
18. Stalin, I.V. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow, OGIZ, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1946, vol. 2, 1907-1913. 439 p.
19. Gostiev, K.I. *Novye obryady – v zhizn'!* [New rites – into life!]. Ordzhonikidze, Ir, 1985. 49 p.
20. Mafedzev, S.Kh. *Adyge khabze. Adygi. Obychai i traditsii* [Adyge habze. Adyghe. Customs and traditions]. Nalchik, El-Fa, 2000. 359 p.
21. Kirguez, V.Kh. *K voprosu o natsional'nom i internatsional'nom v kul'ture sotsialisticheskoi natsii* [On the question of the national and international in the culture of the socialist nation]. *Leninizm i malye natsii* [Leninism and small nations]. Ordzhonikidze, 1973. iss. I, pp. 245-256.
22. Kostyukevich, G.P. *Sovetskomu cheloveku – novye obryady (Iz opyta raboty Mozdokskogo raionnogo Soveta narodnykh deputatov)* [New rites for the Soviet man (From the experience of the Mozdok District Council of People's Deputies)]. *O edinstve internatsional'nogo i ateisticheskogo vospitaniya* [On the unity of international and atheistic education]. Ordzhonikidze, NOASSR State Committee for Publishing, Printing and Book Trade, 1983. 142 p.
23. Khadikov, Kh.Kh. *Stanovlenie novogo cheloveka (sotsial'no-psikhologicheskie ocherki)* [Formation of a new person (socio-psychological essays)]. Ordzhonikidze, Ir, 1981. 115 p.
24. *Materialy Plenuma Tsentral'nogo Komiteta KPSS 26-27 dekabrya 1983 goda* [Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU on December 26-27, 1983]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1984. 80 p.
25. Gostiev, K.I. *Narodnye traditsii i obychai osetin. Puti ikh sovershenstvovaniya* [Folk traditions and customs of Ossetians. Ways to perfection them]. Ordzhonikidze, Ir, 1990. 223 p.
26. Tsallaev, Kh.K. *Traditsii i obychai osetin* [Traditions and customs of Ossetians]. Vladikavkaz, 1993. 59 p.

27. Efendiev, F.S. *Etnokul'tura i natsional'noe samosoznanie* [Ethnoculture and national self-knowledge]. Nalchik, El-Fa, 1999. 329 p.
28. Kuchmezova, M.Ch. *Sotsionormativnaya kul'tura balkartsev: traditsii i sovremennost'* [Socionormative Culture of the Balkars: Traditions and Modernity]. Nalchik, El-Fa, 2003. 213 p.
29. *Mir kul'tury adygov* [World of Adyghe culture]. Maykop, Adygea, 2002. 516 p.
30. Mambetov, G.Kh., Dumanov, Kh.M. *Nekotorye voprosy sovremennoi kabardinskoi svad'by* [Some issues of modern Kabardian wedding]. *Etnografiya narodov Kabardino-Balkarii* [Ethnography of the peoples of Kabardino-Balkaria]. Nalchik, Kabardino-Balkarian Institute of History, Philology and Economics, 1977, iss. 1. 184 p.
31. Dumanov, Kh.M., Smirnova, Ya.S. *Starye i novye traktovki nekotorykh brachno-semeinykh obychaev narodov Kavkaza* [Old and new interpretations of some marriage and family customs of the peoples of the Caucasus]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 1999, iss. 4, pp. 18-27.
32. *Narody Kavkaza: etnokul'turnye traditsii i modernizatsiya* [Peoples of the Caucasus: ethno-cultural traditions and modernization]. Moscow, Tri kvadrata, 2016. 256 p.
33. Tishkov, V.A. *Edinstvo v mnogoobrazii: publikatsii iz zhurnala "Etnopanorama" 1999–2011 gg.* [Unity is in Diversity: Publications from the Journal "Ethnopanorama" 1999–2011]. Orenburg, Orenburg State Agrarian University, 2011. 232 p.